

Заметив на пороге Коу Дуна, мужчина мгновенно переменился в лице и попытался захлопнуть дверь. Но Коу Дун среагировал быстрее: выставив ногу вперед, он намертво заклинил створку в проеме. Хозяин дома навалился плечом, тщетно пытаясь запереться, но, поняв, что силой гостя не выставить, резко бросил ручку и кинулся вглубь комнат.

Коу Дун перехватил его за предплечье.

— Куда же ты? — удерживая его, спросил он.

Мужчина даже не обернулся. Его голос прозвучал глухо и жестко:

— Уходи. Мы не разговариваем с чужаками.

Коу Дун лишь тихо усмехнулся.

— Не разговариваете? — Он сильнее сжал пальцы, лишая хозяина возможности вырваться. — Или просто боитесь?

Циньтун на мгновение замер, а затем медленно повернул голову. Его бледное лицо сейчас выглядело совершенно обычным, даже мягким — трудно было поверить, что под маской скрывался тот самый свирепый, зеленокожий монстр с огромными клыками. Он буравил Коу Дуна тяжелым, полным скрытой ярости взглядом, будто мечтал стереть его в порошок.

— Что ты хочешь узнать? — процедил он.

— Всё, — лаконично ответил Коу Дун. — От самого начала и до конца.

Из глубины дома выбежал маленький мальчик. Ухватившись за дверной косяк, он звонко позвал: «Папа!» — но, наткнувшись взглядом на незнакомца, испуганно притих и попятился.

— Ой... это же Чжу Бацзе... — прошептал ребенок, завороченно разглядывая маску Нуо на лице Коу Дуна.

При виде сына Циньтун побелел. Он тут же загородил ребенка собой, подталкивая его обратно в тепло комнат:

— Иди к себе, поиграй. Взрослые разговаривают, нечего тут вертеться.

Малышу явно хотелось рассмотреть забавного свина поближе. Он неохотно пятился назад, не сводя глаз с гостя, и отцу пришлось несколько раз легонько подтолкнуть его в спину, пока тот окончательно не скрылся в глубине дома.

Убедившись, что сын ушел, Циньтун обернулся и заметил, что Коу Дун всё еще задумчиво смотрит на закрывшуюся дверь.

— Он... тоже? — негромко спросил юноша.

Циньтун горько, обреченно усмехнулся.

— Да, — едва слышно выдохнул он. — Мать его накормила... Он ничего не понимает. Думает, это был просто страшный сон.

К горлу Коу Дуна подкатила тошнота. Смотреть на чистое, невинное дитя и осознавать, что этот ребенок уже вкусил человеческой плоти — от этой мысли внутри все переворачивалось.

— Пойдем во двор, — тихо предложил Циньтун. — Там он нас не услышит. — Он глубоко вздохнул, и в его глазах отразилась вековая усталость. — Пора уже вытащить этот грех на свет божий.

Он не знал, когда именно в этих краях появилось первое божество.

Сколько Циньтун себя помнил, в храме всегда восседал милосердный бог. Лик его дышал кротостью, укутанный резными облаками на своем постаменте. Каждого новорожденного в деревне непременно несли к нему, испрашивая благословения. Божество простирало длань, касаясь лба младенца, и пролиvalo благодать на весь их род.

Под его сенью деревня Шаньхай процветала сотни лет. В храме никогда не угасал дым благовоний. Каждый год селяне устраивали пышные представления Нуо: танцевали, пели в масках, несли дары своему хранителю.

Циньтун в детстве обожал эти праздники. Тогда под масками скрывались живые, счастливые люди. Они пели во весь голос, радуясь щедрому урожаю. Они шли к алтарю со своими надеждами: больные просили об исцелении, молодожены — о крепком потомстве, старики — о мирном угасании, а те, кто был алчен, молили о сундуках, полных золота.

И бог даровал им всё. Из года в год вера крепла, люди отлили новую, еще более величественную статую, не жалея подношений.

— Но в один год... — Циньтун уставился в пустоту, словно заново переживая тот ужас. — Без всякого предупреждения он явился нам во сне.

Во сне земля разверзлась, поглощая дома и людей. Деревня Шаньхай превратилась в братскую

могилу. Проснувшись в холодном поту, жители поняли: это знамение. Никто больше не смел сомкнуть глаз. В глухую полночь люди побросали дома и побежали к единственному уцелевшему пустырю.

Многие сомневались, не хотели бросать нажитое — скот, утварь, зерно. Но староста удержал их, сурово отрезав: «Слушайте волю неба».

На рассвете земля действительно содрогнулась. Вековые скалы трескались, дома рушились с оглушительным грохотом, погребая под собой всё имущество. Благодаря предупреждению бога люди выжили. Но вернувшись на пепелище, они взвыли от горя.

Лишь храм остался невредим. Статуя бога стояла всё так же незыблемо, сжимая в руке цветок лотоса.

Именно тогда в умах селян зародилась черная зависть.

Почему бог не ведает страха и потерь, пока они вынуждены ютиться на развалинах?

«Если бы мы тоже могли обрести бессмертие...»

Сначала это была робкая мысль одного человека. Затем она отравила весь разум общины. Они привыкли требовать у бога всё, что хотели, и никогда не знали отказа. И когда бог ответил, что бессмертие не в его власти, толпа обезумела.

Осквернив алтарь, они низвергли и разбили статую в щепки.

— Но чуда не произошло, — прошептал Циньтун. — Он ушел навсегда. Как бы мы потом ни калялись, какие бы новые идолы ни отливали — небеса молчали. Без его защиты дела пошли прахом. Из огромного некогда поселения нас осталось чуть больше сотни. И тогда... явился он.

Коу Дун сразу понял, о ком речь — о жестоком культе Злого божества.

— Он пообещал нам вечную жизнь, — задрожал Циньтун, сжимая кулаки так, что затрещали суставы. — И мы, глупцы, поверили. Помогли ему воздвигнуть новый алтарь. И в тот день, когда работа завершилась... он вырезал всю деревню. До единого человека.

Злое божество сдержало обещание извращенным образом: превратило мертвецов в призраков, запертых в бесконечной игре. Чтобы вернуть себе человеческий облик, они должны были пожирать живых чужаков.

— Разве это жизнь?! — Циньтун спрятал лицо в ладонях, сотрясаясь от беззвучных рыданий. — Я помню каждый кусок плоти, что проглотил... Мне каждую ночь снится этот кошмар. А мой

мальчик? Он ведь навеки останется ребенком, запертым в теле чудовища. Что мне сказать ему, когда он вырастет? Как с этим жить? Лучше бы мы сгнили в той земле...

Коу Дун помолчал, переваривая услышанное.

— Поэтому вы избегаете разговоров с приезжими?

— Да, — глухо отозвался мужчина. — К тому же Злое божество строго-настрого запретило нам любое общение с ними.

За этими бездушными масками скрывались чьи-то отцы, матери и братья. И теперь, чтобы вернуться в мир живых, они должны были рвать на части невинных людей. Омерзительный, противоестественный круг греха.

— Еще вопрос, — проговорил Коу Дун. — Кроме храма, курит ли кто-нибудь в домах сандаловые благовония?

— Нет. Сандал — его личная привилегия. Мы слишком боимся навлечь его гнев.

Коу Дун задумался.

— И последнее... Когда старое божество еще хранило вас, вы видели нынешнего бога?

Е Яньчжи, сидевший на плече Коу Дуна со сложенными на груди руками, тоже насторожился, впившись взглядом в Циньтуна.

Тот долго копался в памяти, силясь вспомнить хоть какую-то деталь, но наконец покачал головой:

— Нет. До того страшного дня мы никогда его не видели.

Выйдя со двора, Коу Дун шел молча, погруженный в свои мысли.

— Вообще-то, это отличные новости, — нарушил молчание Е Яньчжи.

И правда: зная истинную природу местных «жителей», вычислить количество призраков среди игроков теперь не составляло труда. Достаточно было сопоставить список селян с количеством огоньков на поминальных лампах.

— Верно, — вздохнул Коу Дун. — Но уйти просто так... у меня не поднимется рука.

— Не уйти? — Е Яньчжи недовольно скрестил ручки на груди и холодно фыркнул: — Не вздумай их спасать. Они получили ровно то, что заслужили своей жадностью. У них нет совести.

Коу Дун замялся на пару секунд, прежде чем тихо ответить:

— Пожалуй. Но ведь и старое божество совершило ошибку.

В его памяти услужливо всплыла картина всеобщего поклонения в храме.

Е Яньчжи, казалось, был готов взорваться от гнева:

— И в чем же его вина? Он не сделал ничего плохого!

Коу Дун не стал спорить. Он лишь осторожно поднял крошечного напарника на ладони и ласково заглянул ему в лицо. Е Яньчжи под этим пронзительным теплым взглядом смутился. Юноша смотрел так, словно видел его насквозь, несмотря на грубую маску Нуо.

— Чего тебе? — проворчал маленький человечек.

— Мой сыночек наконец-то научился утешать папочку, — умилился Коу Дун. — Я так тронут.

Е Яньчжи: «...»

Чертовски жалею, что вообще открыл рот.

— Ну всё, не хмурься, — Коу Дун легонько погладил его по голове пальцем. — Я не расстраиваюсь. Ты же сам говорил: всё это лишь виртуальный сценарий, созданный искусственным интеллектом. Я этого не проживал на самом деле.

— Всё равно неприятно, — буркнул Е Яньчжи после недолгого молчания.

Коу Дун внезапно поднес ладонь к лицу и звонко поцеловал крошечную фигурку прямо в лоб. Е Яньчжи от неожиданности оцепенел, не зная, куда деть руки.

— Всё равно ты у меня самый заботливый сын, — с гордостью проговорил «молодой отец».

Е Яньчжи даже не разозлился на очередное упоминание сыновьего статуса. Его разум все еще

кружился в вихре от этого внезапного поцелуя. Ноги подкосились, и он без сил опустился прямо на теплую ладонь Коу Дуна. Пусть между ними была деревянная маска, и поцелуй пришелся скорее на твердое дерево, его сердце колотилось как безумное.

В его внутреннем мире маленький Е Яньчжи уже наворачивал круги от счастья.

Коу Дун, не замечая бури в душе напарника, бережно прижал его к щеке:

— Осторожнее, не упали. Ты прямо как мой любимый чай с молочной пенкой.

Е Яньчжи непонимающе поднял голову:

— Чего?

— Такой же сладкий, и мне хочется всегда держать тебя в руках.

Сказав эту глупость, Коу Дун покатился со смеху:

— А если выстроить тебя в ряд, тобой можно обогнуть Землю... Ха-ха-ха!

Романтические грезы маленького Е Яньчжи рассыпались в прах. Он хмуро уставился в ладонь, мысленно обозвав себя идиотом за минутную слабость. С Коу Дуном нежность не работала — этого парня нужно было просто брать силой. Так, чтобы он умолял о пощаде. От этих мыслей на его губах заиграла опасная улыбка.

Отсмеявшись, Коу Дун вернулся к делу:

— На самом деле, старое божество виновато лишь в том, что слишком их баловало. Исполнило все капризы, вот они и обнаглели.

Это походило на избалованных детей, совершивших ужасный проступок. Дети виновны, спору нет, но разве с родителей снимается ответственность?

Коу Дун достал из кармана немного сырой глины и принялся лепить.

— Опять? — недовольно сморщился Е Яньчжи. — Мне не нужны игрушки.

— Это не для тебя, — загадочно ответил Коу Дун. Он скатал аккуратный шарик, придал ему форму забавного человечка и привязал к тонкой бечевке, закрепленной на длинном прутике. Получилось подобие детской удочки, где глиняная фигурка служила наживкой.

— Что ты задумал? — нахмурился Е Яньчжи.

— Как это «что»? — Коу Дун гордо вскинул свое творение. — Собираюсь ловить на живца. Местную детвору.

Е Яньчжи мысленно прижал руку к лицу. Со стороны Коу Дун сейчас выглядел как заправский похититель детей.

Парень принялся бродить по улочкам. Заслышав за забором детские голоса, он аккуратно забрасывал глиняную приманку через ограду и медленно подтягивал ее к себе. В этом Богом забытом месте у детей не было никаких развлечений, и вскоре любопытство взяло верх. Дверь одного из домов приоткрылась, и наружу высунулась вихрастая голова.

Коу Дун приветливо помахал ему рукой.

— Эй, малыш, — заговорщически прошептал он. — Хочешь поиграть?

Е Яньчжи мысленно потянулся за телефоном, чтобы вызвать полицию.

Мальчик заколебался, глядя то на яркую глиняную игрушку, то на незнакомца. На лице Коу Дуна была маска Чжу Бацзе, которую знали все местные дети, а благодаря невероятному бонусу дружелюбия сопротивляться его обаянию было невозможно. Сделав шаг за порог, ребенок тихо спросил:

— А во что мы будем играть?

— В прятки, — заговорщически подмигнул Коу Дун. — Все любят прятки.

Мальчик просиял. Но тут Коу Дун притворно вздохнул и опустил плечи.

— Что случилось? — заволновался малыш, дергая его за рукав.

— Нас слишком мало, — грустно вздохнул Коу Дун. — В прятки весело играть большой компанией.

Ребенок тут же проглотил наживку:

— Не переживай! Я сейчас позову ребят!

Детская солидарность сработала мгновенно. Спустя десять минут вокруг Коу Дуна уже носилась целая гурьба ребятишек, наперебой требуя начать игру.

Убедившись, что время близится к полуночи, Коу Дун увлек их к темному переулку.

— Сначала водить буду я, — объявил он. — Но знайте: скоро к нам присоединятся новые игроки. Тот, кто найдет их первым, получит эту глиняную фигурку. Ищите хорошенько!

Улицы затихли. В вышине висела кроваво-красная луна, заливая крыши домов зловещим багровым сиянием. Наконец в конце улицы показались две фигуры в масках Нуо. Это были призраки, вышедшие на ночную охоту после удачного дневного разоблачения. Они целенаправленно шли к домам своих жертв.

Коу Дун, затаившись за углом, мягко подтолкнул прячущихся рядом детей:

— Смотрите, а вот и они. Идите, найдите их.

Дети, не скованные правилами игры для взрослых, с веселым писком гурьбой бросились следом за фигурами, вбегая в открытые двери домов.

До Е Яньчжи наконец дошел замысел напарника.

— Твоим спасенным стоит тебя поблагодарить, — тихо заметил он.

Призраки-селяне никогда не станут терзать жертву на глазах у собственных детей. Ночной кошмар двух игроков должен был закончиться, едва начавшись.

Но Коу Дун покачал головой:

— Спасти удастся только одного.

Е Яньчжи осекся, мгновенно осознав страшную правду. Селяне пощадят жертву ради детей. Но мстительный Рыбий дух, вселившийся в одного из призраков, плевать хотел на чужих отпрысков. Он пришел за кровью своего мучителя — Смеющегося монаха, предавшего его в прошлой игре.

Коу Дун указал детям две двери. За одной их ждало мирное удивление родителей, а за другой — настоящая кровавая баня.

Он намеренно разрушил иллюзию, которую взрослые так тщательно оберегали. Детям пора было узнать, что их «сны» — это суровая реальность.

В тишине ночи раздался истошный, ледящий душу крик, мгновенно переросший в детский плач и визг. Спокойствие деревни было разорвано в клочья.

Коу Дун прислонился спиной к холодной стене и мягко закрыл ладонями уши Е Яньчжи.

— Не слушай, малыш, — прошептал он. Его лицо в свете багровой луны казалось безжалостным. — За каждый грех рано или поздно приходится платить.

<http://bllate.org/book/18984/1955583>